Отзыв

официального оппонента
о диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук
Параскевы Елены Владимировны
«Система повествовательных мотивов в художественой прозе И. С. Шмелёва».
Специальность 10.01.01 – русская литература

Последние десятилетия ознаменовались всплеском интереса к жизни и творчеству И. С. Шмелёва. Вместе с тем, нужно отметить определённый дисбаланс между исследованиями стиля, исторической памяти, национального самосознания в произведениях писателя, с одной стороны, и слабой проработкой вопросов сюжетосложения, нарратологии, использования мотивов, с другой. Вот почему обращение Е. В. Параскевы к системе повествовательных мотивов прозаика следует признать актуальной и весьма важной как для современного шмелеведения, так и для развития теоретической составляющей нынешней нарратологии.

Проделав значительную работу, включающую реферирование основных трудов по поэтике Шмелёва, диссертант приходит к обоснованному выводу, что, хотя многие из них содержат большое количество частных наблюдений над отдельными текстами, на сегодняшний день мы не имеем обобщающего исследования по системе мотивов и их функционированию в творчестве писателя. Нельзя не согласиться с Е. В. Параскевой и в определении актуальности диссертации, связанной с «необхъодимостью целостного научного осмысления в функционально – семантическом аспекте системы повествовательных мотивов в качестве значимых элементов шмелёвского дискурса» (с.11). Весьма плодотворным оказывается выделение двух основных аспектов категории мотива применительно к творчеству автора. Во-первых, выявленный набор мотивов оказывается своеобразным экраном, позволяющим уяснить авторскую модель мира, связанную с интенциями этического и эстетического характера, которые отражают историческую судьбу России и особенностинациональногоменталитета. Во-вторых, функционирование мотивов в системе других художественных средств позволяет уяснить своеобразие целостности основных текстов шмелёвской прозы.

Такой подход открывает путь к пониманию произведений Шмелёва как единого смыслогенного комплекса, «когда категория мотив помогает увидеть внутреннюю логику всего творчества» (с.12). Радует свободное владение автором диссертации основными методами исследования. Сочетающимикак традиционный подход сравнительно-исторического литературоведения, так и инновционные приёмы, связанные с теорией интертекста, герменевтикой, структурной семантикой. Особенно важным представляется анализ семантики мотива как репрезентации исходного

набора мотифем – преображение – возвращение, дом, путь, - отразивших философский и поэтический смыслы творчества Шмелёва.

В качестве несомненно позитивного момента позитивного момента нужно отметить высокую степень аргументированности основных положений работы, подкреплённую композиционной стройностью изложения основного материала. Примечательно, что, посвятив первую главу теоретическим основаниям изучения мотива, Е. В. Параскева сумела не только продемонстрировать широту и глубину подхода, но и тесно увязать основные выводы с особенностями поэтики Шмелёва.

Важный тезис, согласно которому «прагматическийподход предполагает синтез, в котором учитываются семантическая природа мотива, его структура, связь с темой, при этом понимание мотива, его семантика и эстетическая значимость рассматриваютсяс точки зрения смысла произведения, актуализируется смысл мотива в данном тексте» (с. 25 -29), точно ложится на анализ мотивики в прзе Шмелёва. Выявление структурно-моделирующей, контекстуальной, предикативной, и пространственно-временной функций мотива является важным открытием, позволяющим по-новому прочесть создания Шмелёва, удивительным образом соединившие реалистическую традицию с открытиями Серебряного века.

Особенно интересным при таком подходе стало выявление черт импрессионизма в первый период художественной деятельности Шмелёва. Эта тенденция проявилась прежде всего в «ослаблении роли фабульного движения и сюжетности» (с.38), благодаря чему союз вечного и текучего можно было осознать через интуитивное, через акцент на индивидуальное видение мира. В качестве важных новаторских положений первой главы хотелось бы отметить указание на роль мотива преображения у Шмелёва, связанного с православной моделью мировосприятия (с.44), и выявление в этом контексте значение топоса Дома и связанных с ним мотивов веры и памяти как средства защиты от надвигающегося хаоса (с.46).

Не менее значимой в контексте диссертационного исследования становится вторая глава, в которой рассмотрено формирование мотивов в прозе И. С. Шмелёва первого периода (1900 – 1910-е гг.). При оценке произведений первых десятилетий Е. В. Параскева точно выявляет стилевую манеру писателя, сочетающую «тонкость и страстность, философско – религиозную насыщенность, язык вкусный и цветной, - всё, что сегодня формирует у читателя общее представление о творчестве Шмелёва» (с.49). Обратившись к анализу повести «Распад» (с.54), исследователь глубоко проникает в разбор семантики мотива окна как границы, отделяющей Хмуровых от внешнего мира, соотнося корреляцию мотива с топосами дома и сада, справедлив отмечая роль вещих снов, где наиболее отчётливо сказалась связь писателя с творчеством Достоевского. Ведь и у того, и у другого сны выполняют профетическую функцию, давая возможность «заглянуть в бессознательные глубины самого себя» (с.65). Очень важно, подчёркивает Е. В. Параскева, понять системный характер творений

Шмелёва, ибо мотивы, задаваемые в «Распаде», возникнут три десятилетия спустя в рассказе «Страх» (1937). Сопоставляя два текста, диссертант верно отмечает соотношение архетипического и эволюционного у Шмелёва, поскольку его творчество носило динамический характер, но в самой динамике легко угадывается роль стержневых мотивов, определяющих этос и пафос поэтики писателя.

Точно так же, как и в «Распаде», архетипичность имеет решающее значение в мотивной системе другого крупного произведения - «Человек из ресторана». Здесь сюжетогенный мотив «блудного сына» восстанавливает значимую цепочку традиций русской прозы, начиная от «Станционного смотрителя» к «Униженным и оскорблённым» и, наконец, к шмелёвскому тексту, где тот же тип маленького человека с его судьбой в кризисном мире. Важно отметить, что, как и в традиционной библейской притче, в «Человеке из ресторана» происходит преображение героя, воссоздающего разрушенное семейное гнездо и возвращающего в него блудных детей.

Переходя от анализа проблематики произведения к его поэтике, Е. В. Параскева демонстрирует высокое профессиональное мастерство аналитика. В качестве примера можно указать на разбор художественного пространства «Человека из ресторана» с его сценичностью, камерностью, с акцентом на субъективно-лирическое повествование от первого лица (с.90). Развивая идею сценичности пространства в шмелёвской повести, автор диссертации противопоставляет топос Дома и «лжедома» - ресторана -, вскрывает роль мотивов пира и театральной маски. Вот почему нельзя не согласиться с итоговым выводом данного параграфа, согласно которому «духовный путь Скороходова реализован в системе мотивов, входящих в парадигму сюжета о блудном сыне», что позволяет «говорить о реализации в точном или инверсионном варианте всех основных элементов данного сюжета, включающего в себя доминирующие и второстепенные мотивы: обособления, искушения и испытания, преодоления, возвращения, преображения, Золотого тельца, холода, театра и маски, слова, дома» (с.108).

Весьма интересным и несколько неожиданным поворотом исследования становится третий параграф второй главы, связанный с влиянием импрессионизма на структуру повести Шмелёва «Стена» (19130. Несмотря на то, что сам тезис требует дополнительной аргументации, о чём мы ещё скажем ниже, сделанные диссертантом наблюдения характеризуются высокой степенью креативности, а вывод относительно того, что «ключевым для импрессионистической техники в «Стене» становится устремлённость не к описательности, а к живописи впечатления, к тончайшей цветопластике множества деталей природного и вещного мира» (с.125) несомненно вносят новые грани в исследование поэтики писателя.

Как известно, хронологически творчество Шмелёва можно разделить на два больших отрезка – «до» эмиграции и «после». Поэтому вполне закономерно выстраивается логика третьей главы, связанная с жизнью писателя на чужбине. И здесь хотелось бы обратить внимание на разбор

художественной структуры романа «Солнце мёртвых» (1923), наиболее последовательно реализовавший эстетический модус трагического. История падения, греха, страдания становится важнейшей темой романа. Вместе с тем писатель делает главный упор на духовный раскол мыслящей части общества.

Весь роман Шмелёва пропитан духом Нового Завета и Апокалипсиса, но было бы неверным рассматривать «Солнце мёртвых» только как развёрнутую притчу, иллюстрирующую религиозный текст. Потому-то столь убедительно выглядит анализ разветвлённой семантики мотивов, превращающих изначально взятый материал в романное целое. Е. В. Параскева подробно вскрывает механизм реализации таких мотивов, как ложь и обман. В то же время диссертант справедливо указывает, что «мотив лжи закономерно вступает в семантически продуктивное сочетание с мотивом слова, формируя полярность в системе персонажей: обманутые, поддавшиеся обольщению и те, кто встал на сторону отца лжи» (с.134).

В свою очередь чрезвычайно важным в работе оказывается обращение к конкретным приёмам поэтики, раскрывающими глубокий смысл заданных мотивов. И здесь хотелось бы обратить внимание на ряд интересных наблюдений над портретными характеристиками персонажей, сделанных исследовательницей. Другим важным средством, формирующим структуру романа, является парадоксальное столкновение документального материала с изображением как будто иной реальности, подмены истины миражом, «где герои существуют в пространстве, которое связано с иллюзией» (с.136).

К достоинствам указанной главы следует отнести анализ семантики образов Солнца (с.137) и ветра с его амбивалентным смыслом, который одновременно становится и спутником разрастающейся пустоты, и символом очищающей силы от страданий. В этом контексте было бы интересным, на наш взгляд, сравнить семантику мотива ветра у Шмелёва с развитием образа ветра в «Двенадцати» Блока. Не останавливаясь на оценке разбора других мотивов – окна, встречи и других, который также характеризуется глубиной и точностью, следует согласиться с основным выводом данного фрагмента относительно того, что в романе главным способом усложнения авторской модели мира становится использование сложного синтеза мифологических и христианских мотивов (с.148).

При обращении к более позднему произведению – повести «Богомолье» (1931) диссертант решает сложную задачу: с одной стороны, по мере эволюции творчества Шмелёва всё отчётливее начинают доминировать черты православного миросозерцания, с другой - художественная ценность «Богомолья», как и любого другого эстетического целого, не может быть сведена только к набору идей, но потребует всемерного привлечения средств реализации заданной структуры. Весьма отрадно, что Е. В. Параскева успешно выполнила эту задачу. В исследовании поэтики повести выделена и обоснована роль таких художественных приёмов, как мотив пути, образ

трактира как символа искушения в ходе духовного возрождения, где богомольцы наблюдают изгнание нищих. Особенно важным является оригинальная организация пространства в «Богомолье», в котором «кроме движения по земной горизонтали, ключевыми точками которой становятся различные дома, в повести создаётся вертикаль духовного подъёма, так как постой смертный может реально вступить на горизонтальный путь и при особых условиях проделать его, но вертикальный путь может быть проделан лишь фигурально – его душой» (с. 159).

Заключительный параграф третьей главы Е. В. Параскева посвящает рассмотрению феномена преображения в мотивной системе рассказа «Куликово поле», над которым писатель работал восемь лет. Сложность построения этого рассказа связана с тем, что в основе его лежат не столько элементы фабульного движения, сколько аксиологический вектор, направленный на образование единства божественного и земного, потому-то, как верно замечает исследовательница, «гармоничным средством реализации этой идеи становится сочетание мотивов пути, встречи и креста» (с.179). В этой связи Е. В. Параскева удачно ссылается на мнение самого писателя, высказанное в письме к философу И. А. Ильину и посвящённое выявлению роли интеллигенции на пути духовного преображения в эпоху войн и революций. Мотив испытания – преодоления становится важнейшей фазой такого преображения.

Таким образом, внимательное прочтение диссертационного исследования Е. В. Параскевы приводит к однозначному выводу, что цель работы и вытекающие из неё задачи полностью реализованы. В работе нам не удалось выявить существенных изъянов или спорных моментов. Вместе с тем некоторые тезисы кандидатской диссертации нуждаются, на наш взгляд, в дальнейшем уточнении и развитии. Остановимся на двух из них.

Как уже было сказано, положение о воздействии принципов импрессионизма на поэтику Шмелёва является верным, но недостаточным. Ведь импрессионизм по-разному влиял на манеру целой плеяды русских прозаиков, включая такие фигуры, как Бунин или Зайцев. Возникает вопрос, носило ли влияние этой поэтики на Шмелёва специфический характер и если да, то в чём эта особенность, сохранялось ли это влияние на протяжении всего творческого пути писателя или постепенно угасало. Хотелось бы получить ответ на эти вопросы.

В работе Е. В. Параскевы рассмотрена система мотивов в различных жанрах Шмелёва: романа, повести, рассказа. В связи с этим было бы интересным узнать, как сама жанровая природа влияла на синтактику и семантику однородных мотивов, насколько, например. Шмелёв сохранял основные принципы романа как жанра, о которых в своё время писал М. М. Бахтин. Повлияли ли жанровые различия на нарративные стратегии писателя или же такое влияние было минимальным.

Разумеется, возникшие вопросы нисколько не влияют на высокую оценку качества исследования диссертации. В целом диссертация «Система

повествовательных мотивов в художественной прозе И. С. Шмелёва» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой глубоко исследованы теоретические основы мотива в русской прозе первой половины XX века, показана реализация категории мотива в искусстве сюжетосложения крупного русского писателя И. С. Шмелёва. Проделанное исследование имеет важное значение как для развития теоретических основ филологической науки, так и для более глубокого понимания вклада прозаика в отечественную литературу. Диссертационное исследование полностью соответствует требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении учёных степеней» Автор диссертации Параскева Елена Владимировна заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 - русская литература.

Шатин Юрий Васильевич,

доктор филологических наук, профессор.
Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Новосибирский государственный педагогический университет».
Профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
теории литературы и методики обучения литературе.

630126 Новосибирск, ул. Вилюйская 28. Тел (3832)2441161.nspu@nspu.net; http://nspu.ru

6 ноября 2018 г.

Подпись Шатина Ю.В.
Удостоверяю, Зав.канцелярией: